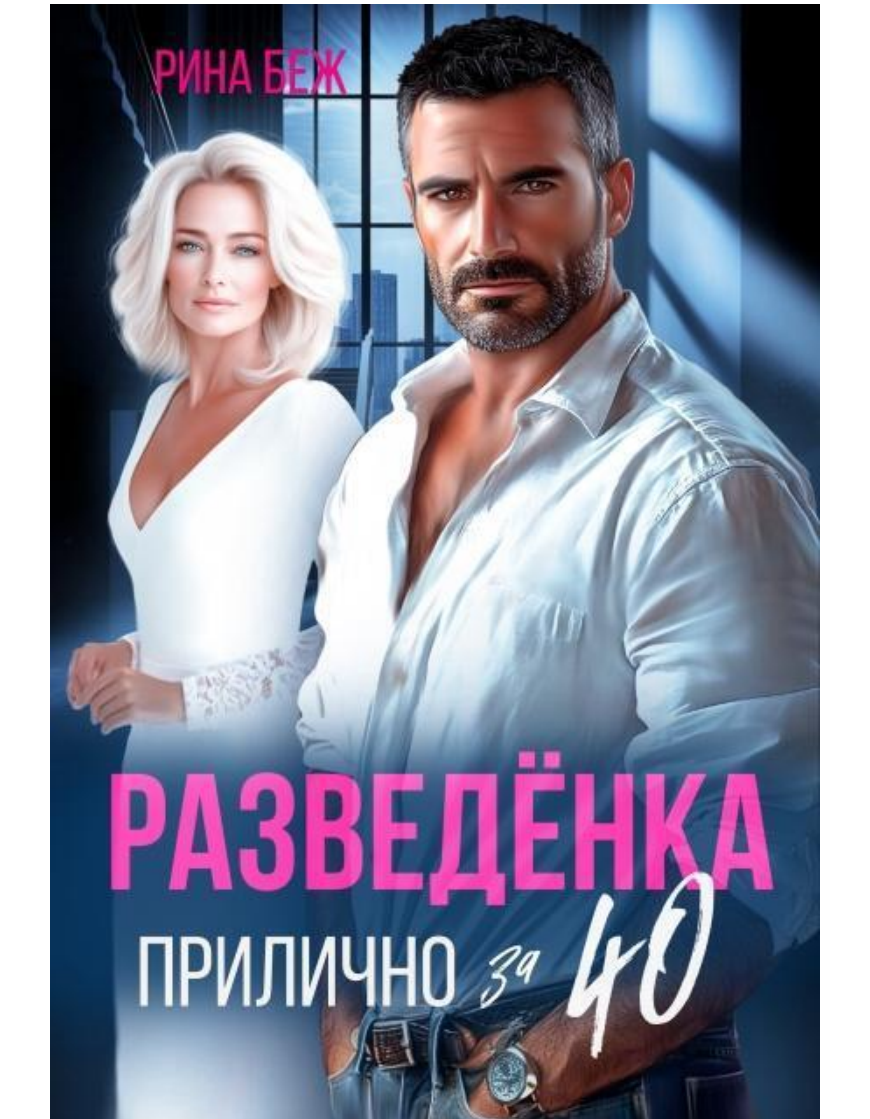

A movie poster featuring a man and a woman. The man, on the right, has a beard and is wearing a light blue button-down shirt with the top buttons open. The woman, on the left, has blonde hair and is wearing a white V-neck top with lace sleeves. They are standing in front of a window with a city skyline visible in the background. The text 'РИНА БЕЖ' is in the top left, 'РАЗВЕДЁНКА' is in large pink letters in the center, and 'ПРИЛИЧНО 39 40' is in white at the bottom.

РИНА БЕЖ

РАЗВЕДЁНКА

ПРИЛИЧНО

39

40

Рина Беж

Разведёнка прилично за 40

<https://litres.ru/74206842>

Аннотация

– Зоя, ты не представляешь, каким серьезным и страшным людям я должен денег. Но не волнуйся, – убеждает меня муж, заглядывая в глаза. – Я всё решу. – Не волнуйся?! Решешь?! Как? – Есть кое-какие варианты. Я уже всё придумал... ***** Муж предал и сбежал, квартиру отняли за долги, с работы попросили уйти по собственному желанию... Я думала, моя жизнь рухнула, и теперь остается просто выживать. Но мир не без добрых людей... да и я еще могу удивлять! Причем, не только себя, но и окружающих! Я – разведенка, которой прилично за 40, но это совершенно ни о чем не говорит!

✓# Жизнь после развода ✓# Новые отношения ✓# Хэппи-энд
✓# ОДНОТОМНИК История участвует в литмобе "Мы после развода":

♥# НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА МОЮ
АВТОРСКУЮ СТРАНИЧКУ, ЧТОБЫ ОТСЛЕЖИВАТЬ
НОВИНКИ И НОВОСТИ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
От автора	13
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	40
Глава 10	44
Глава 11	49
Глава 12	54
Глава 13	59
Глава 14	64
Глава 15	68
Глава 16	72
Глава 17	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Глава 1

Зоя

Никогда не любила косинок.

Жуткие они. И очень неприятные.

Брюшко маленькое и кругленькое. Лапки длинные и тонкие... Бр-р-р...

Кто ж знал, что именно один из этих шустрых жутиков положит начало знакомству с моим будущим мужем?!

Вторым по счету.

Единственным, кого я, не боясь, смогу назвать настоящим мужиком,

ответственным, надежным, умеющим держать данное слово,

и *СВОИМ МУЖЧИНОЙ*...

Но всё по порядку...

За несколько месяцев до судьбоносной встречи...

– Мам, ты только не волнуйся, окей?! – звонко выпаливает мой младший отпрыск, едва я принимаю от него вызов.

Убавляю громкость динамика, чтобы разговор с громко-голосым от возбуждения сыном не стал достоянием всех присутствующих, и мысленно троекратно осеняю себя кре-

стом. Радуюсь, что спокойна, как удав.

Перед докладом об экономическом состоянии нашего района, который я должна представить слушателям с трибуны минут через пятнадцать вместо так невовремя заболевшего заместителя главы, я заранее закинулась таблетками пустырника.

Двойной дозой... с половинкой. Потому что ужасно боюсь сцены.

Выступать под десятками внимательных глаз: замминистра по экономическому развитию области и его команды, глав и заместителей районов и совсем мало таких же, как я, председателей комитетов, тот еще экстрим.

Как говорит мой младшенький, пусть и ругаю его за это, ссыкотно мне. А надо, чтобы я смотрелась зрело и уверенно, и голос мой звучал ровно и спокойно, без писка, фальцета или, не дай бог, заикания.

– Я не волнуюсь, Дим, – заверяю сына, отходя подальше от остальных. – Говори, что опять учудил?

– Это не я учудил! – не соглашается он. – Точнее, я... но вместе с Борькой.

– Лукашиным?

– Ага.

Даже не удивляюсь. Девяносто процентов встреч с классным руководителем моего неугомонного ребенка происходит именно из-за стычек этих двоих. Двенадцатилетние подростки никак не могут ужиться на одной территории и по-

стоянно конфликтуют.

– Меня опять в школу вызывают? – догадываюсь о следующих Димкиных словах.

– Точно.

– И что на этот раз? – вновь возвращаюсь к насущному.

– Э-э-э... в общем, мам, мы на физкультуре на лыжах катались на время. Ну и я Борьку догнал и стал обгонять. А ему это не понравилось, и он палкой ударил мне в лицо.

Красочно представляю, как острый металлический наколочник лыжной палки летит в румяное от мороза лицо моего сына и...

Твою ж мышь!

От вариантов, которые могут последовать вслед за «и...» становится дурно. Там же тонкая кожа, губы, зубы, глаза.

Мои ноги перестают слушаться и начинают подрагивать. Чтобы позорно не свалиться на пол, упираюсь ладонью в подоконник, до которого так вовремя дошла. Для любой матери дети – это самое дорогое. Я – не исключение.

– Что с лицом? – хриплю, глядя в окно, но ничего за стеклом не видя. Перед глазами улыбка любимого чада... чистая, слегка наивная, но такая открытая.

– Да ничего такого, мам. Не волнуйся, – успокаивает меня ребенок. – Царапина с синяком под глазом, но ее медсестра уже обработала и пластырем заклеила. Крови немного было. Зато у Борьки нос разбит и фингал огромный.

На последних словах Димка, судя по интонации, раздува-

ется от гордости. И надо бы его одернуть, сомнительный повод для радости, как не крути, но я только выдыхаю.

– Фух! – и пусть мои дальнейшие слова тоже, наверное, звучат неправильно, добавляю. – Ну и слава богу!

Главное, сын живой и почти здоровый. Без травм. А с остальным разберемся. Не привыкать.

– Ага! – поддакивает Димка моим мыслям. И выпалив, что Елена Анатольевна, классный руководитель, в связи с моей сегодняшней командировкой, ждет в школе завтра к восьми утра, скомкано прощается и сбрасывает вызов.

Не до конца пришедшая в себя после хорошей встряски, то есть разговора с ребенком, доклад делаю на раз-два. Текст сам слетает с губ, четко, отрывисто, без запинок. Страх перед сценой? Его во мне больше нет. Отбоялась я по другому поводу.

– Лихо ты отстрелялась, Зой! Молодец, – комментирует мое выступление Наталья Рогова, бывшая моя коллега, а ныне исполняющая обязанности замглавы небольшого района, расположенного в трехстах километрах от моего, на границе областей. И даже большой палец вверх поднимает.

– Спасибо сынуле, – хмыкаю, занимая соседнее с ней место. – Так взбодрил, что ух! Весь мандраж сбежал и не вернулся.

– Так это ж замечательно.

– Ну да, – киваю, решая не вдаваться в подробности. – Кстати, Наташ, поздравляю с новой должностью. Мне Тито-

ренко, – имею ввиду своего непосредственного начальника, – только вчера об этом рассказал.

– Спасибо, – улыбается Рогова и, наклонившись поближе, доверительно шепчет. – Представляешь, у нас вся администрация опустела. Зубарева, бывшая управделами, в область на теплое место умотала и всех своих ставленников с собой забрала. Пятнадцать человек как ветром сдуло. Вот меня и повысили. Теперь мы срочно новых специалистов ищем. Но сама знаешь, какая с хорошими кадрами напряженка в удаленных районах.

Глава 2

Зоя

В город из областного центра мы с водителем возвращаемся в начале шестого вечера.

Пока я освободилась, пока по пробкам едва ползли. Да и дорога не близкая, больше ста с лишним километров по не особо хорошей трассе. Плюс перемело сильно. Думается, вторая половина марта, весна на дворе, но нет. Зима ни в какую уходить не хочет, снегопадами день через день балует.

– Зоя Михайловна, может, вас сразу домой закинуть? – уточняет Роман, когда мы пересекаем табличку с названием нашего населенного пункта.

Глянув в сторону водителя, сначала думаю отказаться. С собой увесистая папка с документами. Ее бы лучше в кабинет закинуть, чтобы завтра в пакете не тащить. Тем более, еще утром в школу к Юрьевой заходить придется. Но темень на улице и шквалистый ветер, что горстями кидает в лобовое и боковые стекла охапки снега, заставляют передумать.

Не хочу высовывать нос на мороз. Там неуютно и плохо. А в салоне тепло и хорошо. К тому же я устала сегодня, как собака. Не столько физически, сколь морально. Для меня поездки в область – всегда неизменный стресс.

– Да, Ром, если несложно, закинь, пожалуйста, – соглашаюсь, растягивая губы в благодарной улыбке.

– Без проблем. Сделаю в лучшем виде.

Выслушав адрес, Куликов согласно кивает и сворачивает с Главной улицы, ведущей к администрации, в сторону Восточного проезда. Пересекает мост и двенадцать минут спускаясь паркует Ниву-шевроле во дворе старенькой маминой пятиэтажки.

Хотя у нас в городе практически все дома старенькие. Нового строительства как такового давно нет. Только частники в поселке «нищих» свои коттеджи под два и три этажа возводят.

– Получается, вы к себе в новую квартиру так еще и не переехали?

Вопрос Романа не удивляет. О том, что мы с мужем три месяца назад поменяли однокомнатную квартиру на трешку с доплатой, он в курсе. Его старший родной брат на моего Сергея работает. Отделочником в строительной бригаде.

У мужа свой бизнес. Ремонт квартир под ключ. Почти двадцать человек в штате. Только у нас в городе они редко заказы берут. В основном по знакомству. На постоянной в областном центре и Москве работают, где за тот же квадратный метр площади платят в несколько раз больше, нежели на периферии.

– Да какой переезд, Ром?! – отмахиваюсь, качнув головой, и, обернувшись, забираю с заднего сиденья пакет с документами. – Там ремонт делать надо. И не только косметический, а конкретный. Со снятием сгнивших полов и очисткой по-

толков и стен. Квартира после бабушки, сам понимаешь, какие ароматы витают, – морщусь нос. – А еще Серёжа сказал, что надо все трубы менять и радиаторы отопления. Так что, дай бог, к лету переберёмся.

– Понятно. Ну ничего, время быстро бежит. Почините, – Куликов подбадривающе улыбается. – Главное, стены есть, а в наше время это уже хорошо.

Киваю. Точно подмечено. Ценники на жильё даже в нашем захолустье такие, что мама не горюй, особенно по сравнению с зарплатами.

Поблагодарив за доставку до подъезда, прощаюсь. Выбираюсь из тёплого салона в мартовскую стужу и моментально ежусь. Ветер во дворе заметно тише, но всё равно так и норовит заглянуть под пуховик.

Накинув на голову капюшон, машу отъезжающей машине и, слегка наклонившись вперед, устремляюсь в сторону подъезда. Заношу руку, чтобы набрать цифры в домофоне, но передумываю и вытаскиваю из кармана телефон.

– Мамуль, привет! Я уже приехала. Возле дома стою, – тараторю скороговоркой, едва мама снимает трубку. И чуть медленнее. – Ты глянь, пожалуйста, нам хлеб или батон купить не надо? Если что, я в магазин забегу, пока не поднялась наверх.

Тишина, что образуется, когда я замолкаю, меня никак не напрягает. А вот тихий всхлип родного голоса еще как.

– Мам? Что случилось? – выпаливаю и замираю, стара-

тельно прислушиваясь ко всем звукам. Но мама пояснений не дает, только жалобно просит:

– Зоенька, ты... ты домой лучше иди...

– Ладно, – соглашаюсь, но тут же накидываю вариант. – Ты из-за Димки, что ли, расстроилась? То, что он снова по-дрался?

– Димка? – переспрашивает она явно удивленно и, не дожидаясь ответа, признается. – Нет. Не с Димочкой беда, а с Серёжей. Зой, кто-то сильно избил твоего мужа.

От автора

Дорогие читатели, история «Разведенка прилично за 40» пишется в рамках литмоба

“Мы...после развода”: <https://litnet.com/shrt/kX8U>

Будет интересно, эмоционально и переживательно, а еще жизненно и позитивно, несмотря на кучу проблем, что выльются на голову главной героини.
 Присоединяйтесь!))

♥#

Глава 3

Зоя

Моего мужа избили?

Кто?!

Хотя, нет! Не так.

Что за... бред?! Вот правильный вопрос.

Не помня за собой: выключаю телефон или нет, засовываю его обратно в карман и слегка трясущимися пальцами жму на кнопки домофона. Промахиваюсь, тихо матюгаюсь себе под нос, и, всё сбросив, повторяю последовательность заново.

Меня потряхивает. И холод с ветром тут совершенно ни при чем.

Дрожу из-за переживаний.

А еще мне жарко. Настолько, что подмышки потеют, а тонкая шифоновая блузка неприятно прилипает к верхней части спины.

Может, мама что-то не так поняла?! Возраст всё-таки... Семьдесят почти. Или новостей и сериалов пересмотрела...

Убеждаю себя, взлетая вверх по лестнице.

Один пролёт, второй, площадка. Еще этаж.

На третьем возле двери притормаживаю, шумно выдыхаю, на секунду прикрывая глаза, и рывком открываю дверь.

Маме киваю, потом поговорим, и, не снимая обуви,

устремляюсь в комнаты, которые она нам с детьми выделила в своей трешке.

На пороге спальни едва не спотыкаюсь.

– Серёж, ты где? – сиплю, сама не узнавая свой голос.

Хватает одного короткого взгляда на моего обычно непоседливого мужа, чтобы понять: с Сережей приключилась беда, настоящая, а мама, к сожалению, не ошиблась.

Мужчина, с которым я прожила двадцать три года и знаю, как облупленного; который не может усидеть на одном месте больше пары часов, потому что у него в попе шило, и ему вечно надо бежать, что-то решать с кем-то созваниваться; кто предпочитает находиться за рулем авто с утра до ночи, нежели отлеживать бока на диване, сам на себя не похож.

Практически днём – стрелка часов даже до шести еще не доползла, – он валяется на кровати, свернувшись в компактный клубок, обняв себя одной рукой за живот, второй прикрыв лицо и подтянув ноги повыше.

– Что случилось, эй? – обрушиваю на мужа новый вопрос, приближаясь и присаживаясь возле него на корточки.

Он не отвечает... а едва я притрагиваюсь к его голове, чтобы убрать упавшую на глаза челку, дергается и откидывает мою ладонь.

– М-м-мм... не трогай, Зой... больно...

И тут же шипит сквозь зубы, снова прикрывая торс.

В то, что он не врёт о боли, верю моментально. На скуле мужа уже наливается здоровый синяк и на подбородке кро-

вавая черкотина.

– Где еще больно кроме лица? – пытаюсь разобраться.

Сергей словно нехотя, будто ему стыдно за собственную слабость, тянет край футболки вверх и оголяет торс. Практически черные кровоподтеки на боку и животе заставляют всё внутри меня сжаться.

– Похоже ребра сломаны...

Отвечает муж на незаданный вопрос и тут же отказывается, когда я настаиваю поехать в травмпункт.

– Нет. Нельзя мне в больничку.

Нельзя?

Почему нельзя?

Вопросы копятя, наслаиваясь один на другой. Растерянная, еще раз внимательно осматриваю супруга и, нахмурившись, уточняю:

– Серёжа, так кто это сделал?

Меня настораживает тот факт, что костяшки на его руках чистые. Без ссадин и потертостей. То есть, когда его избивали... он, в юности посещавший секцию бокса и точно умеющий махать кулаками, не сопротивлялся... и позволял так с собой поступать?!

С чего бы?

Что за странная дичь?!

– Зой, это неважно.

– В смысле, не важно?! – распаиваю глаза шире, даже голос силой наливается. – Нет, родной мой. Ошибаешься. Это

очень важно! Потому что это напрямую касается твоего здоровья и безопасности. Надо поехать в травму, снять побои, а потом в полицию, чтобы написать заявление.

Дрожь, которая одолевала меня еще до прихода домой, оказывается, так и не прошла, и теперь становится сильнее. Даже зубы стучат.

Меня пугает происходящее, как и бездействие мужа.

А он, вместо того чтобы меня успокоить и всё объяснить, добивает признаваясь в том, о чем я даже помыслить не могла...

– Не лезь в это дело. Только хуже сделаешь. Ты даже не представляешь, как круто я попал и каким серьезным и страшным людям теперь должен денег.

Глава 4

Зоя – Должен денег? Ты?

Сама себе напоминаю всё повторяющего за другими пугая, но это потому, что озвученная информация в моей голове никак не укладывается.

– А чему ты так удивляешься? – вспыхливо заявляет муж. Он поджимает губы и смотрит на меня укоризненно. – Я – обычный человек и могу допускать промахи. Могу ошибаться. Разве нет? Вот ты, Зоя. Разве ты никогда не ошибаешься?

– Ошибаюсь.

Мой ответ не заставляет себя ждать.

Мы каждый день в чем-то бываем неправы – глупо спорить, но ошибка ошибке рознь. Не за каждую ошибку человека избивают так, что на нем почти живого места нет.

– И сколько ты должен? Когда нужно вернуть долг?

Спрятав взгляд за ресницами, Сергей не спешит с ответом. И чем дольше он молчит, тем безумнее стучит мое сердце.

– Серёж, не молчи, поговори со мной, – прошу его, потому что еще пара мгновений пугающей тишины, и мое сердце точно пробьет грудную клетку и выскочит наружу. – Поделись. Мы – же одна семья. Значит, и проблемы у нас общие. Давай мы без нервов всё спокойно обсудим и постараемся

найти выход.

– Нет выхода, Зоя, – кривая усмешка Решетина напоминает восковую маску и откровенно меня пугает. – Сумма за-предельная. А срок...

Слова резко сменяются смехом, истерическим и совсем нерадостным. А еще коротким. Потому что почти сразу муж хватается за ребра и, ткнувшись лбом в подушку, стонет. А когда замолкает, глухо добавляет:

– Срок всего один месяц.

– Один месяц... – повторяю вслед за ним, сжимая кулаки, останавливая себя от необдуманных действий.

Мне очень хочется до него дотронуться, погладить, под-держать. Но лучше не стоит. Вдруг нечаянно причиню ему дополнительную боль.

– Серёж, ну, это же не так мало... – стараюсь подбодрить, мысленно переводя один месяц в тридцать дней, а заодно подсчитывая отложенное на черный день.

На одном срочном вкладе четыреста тысяч до мая лежат. На втором до июня еще сто пятьдесят. Дома в конверте, спрятанном в комоде, двести... или уже двести двадцать? Кажется, я добавляла туда с последней зарплаты. Или это двести стало после того, как добавила? Ладно, посмотрю. Еще в кошельке пятерка есть.

Решетин на мои слова только морщится:

– Зоя, я в любом случае не найду двадцать лямов за месяц. Да я и половину сумму вряд ли достану.

С-сколько? Двадцать миллионов?

Я даже мысленно заикаюсь, проговаривая цифру.

Это ж куда столько ему понадобилось, если в нашем городе отличную трешку с хорошим ремонтом в центре можно купить за четыре? Ну ладно, пять.

Ноги перестают держать. Чтобы не упасть, хватаюсь за прикроватную тумбу, опираюсь на нее и, подтянув поближе банкетку, тяжело на нее опускаюсь.

– Почему так много?

Мой голос сипит, переполняясь эмоциями, но меня в последнюю очередь это волнует. Главное, ответ.

– Лопухнулся! Поставил не на тех! – злобно бурчит Сережа.

А у меня от его слов волосы на голове едва не шевелятся. Я правильно услышала то, что услышала?

Он поставил не на тех?

Это же не... повторение прошлого?

– Ты, что, снова играть на деньги начал?

Желание поддерживать супруга резко ослабевает. Омерзение накатывает волнами.

Когда Инге, нашей старшей дочери, исполнилось три годика, Сергей пропал на несколько дней. А вместе с ним вся заначка, отложенная мною на черный день. Я паниковала, хотела даже в полицию обратиться. Но родители мужа попросили не паниковать.

Блудный муж вернулся сам через сутки, заросший, в

одежде не первой свежести и явно с большого бодуна... но живой и здоровый. Оказалось, он топил горе в бутылке, проигравшись в игровые автоматы. Тогда-то я и узнала о болезненной тяги любимого супруга к азартным играм.

Был большой скандал, вплоть до развода. Для меня никак не могло прийти, как можно оставить семью без денег и спустить их в унитаз ради своих хотелок. Мой папа, умерший за год до моей свадьбы, такого никогда себе не позволял. Он нас с мамой обожал, всё нес в семью, а не из нее.

Сережа стоял на коленях, умолял дать ему шанс исправиться. Инга, обожающая папочку, плакала с ним на пару...

И я сдалась.

Не сразу. Почти год приглядывалась. Но всё было хорошо. А потом случилось чудо. Думаю, не только для меня, но и для многих семей на нашей необъятной родине. Казино и залы игровых автоматов по все стране закрыли. Я выдохнула с облегчением...

А теперь...

– Я не играл, Зоя. Я просто делал ставки на спорт, – поправляет меня Решетин, будто это имеет какую-то принципиальную разницу. – Даже выигрывал много раз. А тут будто полоса невезения какая-то накрыла... Всё против меня!

– Подожди!

Вскидываю ладонь, жестом прося замолчать, и, приложив пальцы к вискам, их растираю. В голове болезненно пульсирует.

У меня всякий раз такое, когда сильно понервничаю.

– Но двадцать миллионов, Сережа, это запредельная сумма... ты ж не полный идиот? Ты не мог поставить их все за один раз на кон?..

Прежде чем ответить, Сергей, стискивая зубы и морщась, поднимается с кровати. Судя по всему, выпрямиться до конца он не может, стоит, согнув спину. Видно, ребра действительно сломаны.

– Нет, конечно, Зоя. Я – не идиот. Я по чуть-чуть ставил. Просто всё время мимо. Говорю ж, полоса черная...

Муж морщится. Смотрит на меня побитой собакой.

А у меня в ответ ничего не откликается. Нет к нему жалости. Ни грамма.

Будто что-то оборвалось после его фразы про ставки. Ведь он снова сделал это с нами. Пусть и спустя долгие семнадцать лет, он снова предал доверие.

Глава 5

Зоя

Чтобы не сорваться и не наговорить того, о чем потом точно пожалею, захватываю из шкафа домашнее платье и покидаю спальню. В ванной, прежде чем переодеться, залезаю под душ.

Настраиваю комфортную температуру и, упершись ладонями в белоснежную с серыми разводами кафельную плитку, закрываю глаза. Запрокидываю голову и подставляю лицо под упругие струи.

Говорят, вода успокаивает и уносит с собой всё плохое...

Вот было бы здорово, чтобы и из моей памяти она вымыла последние болезненные, наполненные пониманием случившегося кошмара, полчаса. Но, к сожалению, легче не становится. Хорошо, хоть согреваюсь.

С влажными волосами, с которых еще изредка срываются прозрачные капельки, и в своем уже выдавшим виды, но от этого не менее любимом зеленом платье бреду на кухню.

Мама у плиты разогревает ужин, но, услышав мои шаги, сразу оборачивается.

– Зой, ну что там с Сережей?

Волнение в ее глазах, украшенных легкой сеточками морщин у внешних уголков, совсем не выглядит наигранным. Переживает.

Хочется промолчать, не расстраивать ее, но не всегда молчание – золото.

– С Сережей? – горько хмыкаю и, прежде чем ответить, прислоняюсь плечом к поклеенной моющимися обоями в розово-голубой квадратик стене. – Проблемы у нас с Сережей, мам. Подлость совершил мой муж... пусть и обещал так больше не делать.

– Загулял что ли?! С любовницей?!

Мама всплескивает руками и, глядя на меня во все глаза, прижимает их к груди.

Ну да, это первое, что в нынешних реалиях приходит в голову.

Про измены только ленивый не судачит. Ток-шоу, фильмы, книги, интернет – всё изменам посвящено. Люди как с ума посходили. И мама, сидящая на пенсии и большей частью занимающаяся готовкой и просмотром телевизора – для дачи и посадок зима – не сезон, естественно, всё это смотрит.

– Да лучше б с любовницей, честное слово! – признаюсь в сердцах.

Дешевле бы вышло.

– А что тогда?

– Долги у него. Большие.

– Долги? Ой, батюшки! – снова очень эмоционально реагирует мама. – На работе, что ли, всё худо? Разорился? – и без паузы, словно в оправдание. – А знаешь, неудивительно.

Налоги-то, говорят, так сильно подняли, что многие обанкротились и закрываются.

– Про работу не знаю, – качаю головой и, оттолкнувшись от стены, иду к кувшину с холодной водой. Наливаю полный стакан и за раз выпиваю. – Он сказал, что на ставках проигрался. Вот на таких, как понимаю.

Указываю подбородком в сторону небольшого телевизора, висящего на стене. На нём, будто по заказу, включается реклама известной букмекерской конторы.

– Он, что же, снова играть начал?

Риторический вопрос. Ответ-то уже озвучен.

Мама не глядя дотягивается до ручки плиты и выключает под сковородой конфорку. Опираясь на подоконник, усаживается на табуретку.

– А много долгов, Зой? – смотрит на меня.

Назвать сумму язык не поворачивается. Но я все же его заставляю.

Выталкиваю из себя сумасшедшую цифру, которую никогда в руках не держала, и киваю, когда мама неверяще выдыхает.

– Обалдеть, не встать! Он совсем ополоумел?!

Я б сказала еб..нулся, но при маме не хочется ругаться.

Да и разговор приходится закруглить. Лязг металлического ключа в замке подсказывает, что кто-то из детей вернулся. Либо Димка с секции. Либо Инга из колледжа.

– Мы дома! – кричат ребята хором, а следом из прихожей

доносится шорох, веселые подтрунивания дочки и смешки сына.

– Я пока ничего им не буду говорить, – предупреждаю маму и иду встречать и обнимать своих роднулেক.

Приглашаю в мою новинку "Бывшие. Вернуть всё назад" https://litnet.com/shrt/cY_9

– Значит, у тебя дочка, – кивает сам себе Данилевич и вдруг хмурится, обжигает меня холодом. – Она моя?
Мы не виделись семь лет. Я, честно, уже и не надеялась. Ведь для этого кое-кто приложил туюву кучу усилий. Буквально стер меня как личность и переписал жизни всех моих родных заново.
И на тебе, пожалуйста, чудеса случаются. Даже когда их уже не ждешь. Даже против воли наделенных властью небожителей.

Глава 6

Зоя

Новую попытку поговорить решаю предпринять после того, как отправляю детей к бабушке на кухню ужинать. Сама от еды отказываюсь. Спасибо благоверному, кусок в горло не лезет.

– Серёж, объясни мне, что ты теперь собираешься делать? – спрашиваю, едва переступаю порог спальни.

Меня интересует момент погашения долга, но муж интерпретирует вопрос по-своему.

– Я собираюсь всё-таки поехать в больницу. Слишком сильно болит грудь, едва дышу.

Взгляд, который он при ответе на меня кидает, насквозь пропитан обидой за мою холодность. Кажется, Сергей не только надеялся, а был твердо уверен, что я не просто остыну, но и приду его поддержать и пожалеть.

Только к его расстройству ни на какую жалость мне расстрачиваться не хочется. Я б еще сильнее ему поддала, если б знала, что это поможет вправить потекшие мозги на место.

– Хорошо, поезжай, – соглашаюсь и тяжело опускаюсь на банкетку.

В моей голове каша и страх.

Что теперь будет? Как нам дальше жить? Справимся ли мы с такой напастью?!

Двадцать миллионов...

Сил держаться гордо и независимо остается всё меньше.

Неправда, что только в молодости женщины мечтают оказаться на ручках сильного и умного мужчины и оставить ему решать все проблемы. Взрослым тётенькам этого хочется не меньше. А порой даже больше...

На мои слова Сергей удивленно моргает и еще не меньше минуты вопросительно смотрит в мою сторону.

Не знаю, чего он ждет. Может того, что я одумаюсь, подскочу, чтобы подставить ему плечо и помочь подняться, а следом метнусь к шкафу и начну доставать удобную одежду? Свитер, в котором ходил днём, он со своими ребрами вряд ли теперь скоро наденет. А после предложу, нет, скорее попрошусь составить ему компанию в травмпункт?..

Я же думаю о насущном. О нас с ним. О том, как он умудрился опуститься на самое дно и ничем этого не показать, а я проморгать сей факт.

Это он такой хитрый и скрытный с возрастом стал?

Или я настолько расслабилась, привыкла ему доверять безоговорочно, что ничего дальше собственного носа уже не вижу?

– Ну, окей, – нарушает тишину недовольное бурчание.

Не дождавшись моей активности, муж отводит взгляд в сторону, будто я для него резко исчезаю, и медленно, опираясь на тумбу, поднимается самостоятельно. Шумно дыша и шаркая пятками по паласу, идет к шкафу.

Тот находится у меня за спиной.

Но я не оборачиваюсь, чтобы проследить, как Сергей будет справляться, не спешу подсказать, где найти нужное. Просто сижу и... сижу.

По шороху и редким матюкам с шипением под нос догадываюсь, что собственные злость и бессилие он срывает на ни в чем неповинной одежде, и постепенно выглаженные и аккуратно разложенные вещи превращаются в груды скомканных и кое-как утрамбованных в отсек тряпок.

Пусть.

Вмешиваться не буду.

Но прояснить один момент хочется уже нестерпимо.

– Серёж, ответь мне хотя бы, как ты собираешься отдавать долг? У тебя есть какое-то решение?

И вот тут он срывается.

– Зоя, ты понимаешь, что мне сейчас очень плохо, у меня всё болит, и голова совсем не работает?! – повышает голос Решетин. – Нет?! Не понимаешь?! А жаль! И обидно! Мне плохо, милая, пойми это! Мне. Плохо! И да, я осознаю, что натворил! Осознаю и постараюсь всё решить. Только не сегодня, okay, а завтра. Дай мне хотя бы немного времени прийти в себя! Не пили и не дави!

– Хорошо, не буду.

Киваю, сама себе напоминая китайского болванчика, и следом за ним, кое-как собравшимся, покидаю комнату. В прихожей дожидаясь, когда обуется и выйдет в общий кори-

дор. Запираю дверь и без сил прислоняюсь к ней спиной.

Обнимаю себя за плечи, стараясь согреться.

– Мам, что-то случилось?

Две серьезные моськи детей выглядывают из-за поворота, уходящего на кухню. Смотрю на двадцатидвухлетнюю Ингу, задавшую вопрос, на двенадцатилетнего Димку, жмущегося к сестре. Обманывать не хочется, но и говорить правду тоже.

– У папы проблемы, – отвечаю обтекаемо.

– Проблемы – это плохо. Но он же справится, он – мужик!

Сын ни на секунду не теряет веру в отца.

Мужик... справится...

Растягиваю на губах улыбку. Это лучше, чем говорить, что в данном утверждении я почему-то сомневаюсь.

Глава 7

Зоя

Сергей домой не возвращается ни в восемь, ни в девять, ни в половине одиннадцатого вечера.

Обеспокоенная, я звоню ему на мобильный несколько раз, но неизменно натываюсь на равнодушное: «Абонент находится вне действия сети». А едва приходит эсмэска, что он вновь в зоне доступа, как меня теперь сбрасывают принудительно, а следом отправляют сообщение.

«Я у родителей. Уже сплю. Не звони. Завтра поговорим»

– Ну завтра, так завтра, – едва слышно шепчу себе под нос и в кои-то веки занимаю не правый край кровати, а середину. – Может, так даже лучше. Никто на ухо храпеть не будет. И выплось.

На ухо действительно никто не храпит, но и сон, зараза такая, из-за потраченных нервов никак не приходит.

И так верчусь, и этак. Натягиваю одеяло до шеи и скидываю его в ноги. Несколько раз взбиваю подушку и даже переворачиваю «холодненькой» стороной вверх. Раздражает неудобством абсолютно всё. Уснуть ничего не помогает.

Еще и мысли... бесконечные, навязчивые, утомительные...

Я то ругаю Сергея за игроманию; то строю с ним диалог, доказывая, как он не прав и безрассуден; то матерю тех, кто

дал ему в долг – ну вот кто их просил?!; то обмозговываю, как поступить, чтобы спасти нашу семью...

Бег по кругу... снова и снова...

Ы-ы-ы...

Да сколько ж можно?!

В половине третьего, в конец измотавшись и чувствуя себя старой разбитой калошей, которой глаза хоть ниткой сшивай, чтоб уgomонилась, плетусь на кухню и выпиваю стакан воды. Сразу не ухожу. Остановившись у окна, вглядываюсь в ночь.

Единственный на весь двор фонарь тускло освещает усыпанный снегом небольшой участок территории между нашим и соседним подъездом. Метель уgomонилась. Даже ветер стих. Хорошо так...

Вот и моим бы мыслям утихнуть. Загадываю и возвращаюсь в постель. Засыпаю. А утром, всем сердцем ненавидя орущий будильник, едва разлепляю глаза.

Зеркало не радуется. Из-за стакана воды и недосыпа лицо выглядит заметно пожеванным, да еще с мешками там, где их видеть не хочется.

Спасибо косметике, именно она с трудом, но делает из меня человека... привлекательного.

– Дим, в школу вместе идем, – предупреждаю сына за завтраком.

А чуть позже, обуваясь в прихожей, вручаю ему, пока не рванул с рюкзаком наперевес вниз по лестнице, пакет со сво-

ей вчерашней тяжелой папкой документов.

А нечего расслабляться, пусть тащит. Не всё мне страдать, нарезая лишние круги от дома до школы и от школы до администрации, да еще выслушивая заунывные речи классного руководителя о том, как надо и как не надо воспитывать детей.

– Привет, Зоя!

– Привет, Свет!

Со своей заместительницей и давней подругой, Светланой Щербининой, которую семь лет назад перетащила из городского отдела статистики к себе в администрацию, встречаемся на крыльце рабочего здания.

– Ты чего уже с утра заряженная? – интересуется она, бегло осматривая меня наметанным глазом.

Дождается, когда я первой приложу пропуск к турникету, и то же самое повторяет следом. Параллельно со мной кивает Николаю, нашему охраннику, и пристраивается сбоку, вышагивая по просторному коридору в сторону лестницы на второй этаж.

– Уже в школе у Юрьевой побывала, – выдаю кратко.

Но подруге хватает.

– О-о-о, ясно. Димка снова отличился, а песочили проблемами воспитания подростков именно тебя, – улыбается понятливо.

– Ну а кого же еще?!

– И сколько в этот раз длилась экзекуция?

Хмыкаю.

– Стандартно. Двадцать пять минут, чтоб Елена Анатольевна не опоздала на урок.

О, да я сознаю, что предвзято и даже негативно отношусь к пытающейся «помочь» мне и сыну классухе, но валить с больной головы на здоровую, обвиняя покалеченного ребенка в том, что он сам виноват в травме, потому что спровоцировал, а после, кидаясь умными словами, учить меня, сорокашестилетнюю тетку, ей, двадцатипятилетней нерожавшей девочкой, как правильно воспитывать детей – по мне, явный перебор.

Возле кабинета притормаживаем. Отперев дверь, проходим внутрь. По очереди избавляемся от верхней одежды возле узкого шкафа и расползаемся к своим столам, чтобы переобуться.

У нас так жарко, что высидеть восемь часов в зимних сапогах – нереально. Ноги сварятся.

– Ты выглядишь уставшей, – замечает Щербинина, снова внимательно меня осмотрев.

– Бессонница замучила, – признаюсь и даже ожидаю новых вопросов, но неожиданно нас прерывает короткий стук.

Дверь распахивается и на пороге появляется та, кого я никак не жду. Галина Антоновна, моя свекровь.

– Зоя, здравствуй! Можно с тобой поговорить? Наедине.

Глава 8

Зоя

– Здравствуйте, Галина Антоновна, прошу.

Делаю приглашающий жест рукой, а мысленно недоумеваю: всё настолько плохо, раз свекровь-домоседка с утра пораньше примчалась со мной разговоры разговаривать?

Мать Сергея проходит внутрь и притворяет за собой дверь, коротко кивает Светлане, без стеснения ее разглядывающей, и тут же отворачивается. А у единственного, стоящего возле моего стола стула притормаживает и, прежде чем опуститься на него, расстегивает и подгибает норковую шубу. Длинную, в пол. Подаренную сыном на прошлый новый год.

Мне он в тот год тоже шубу подарил. И тоже норку. Только укороченную. Не потому, что решил сэкономить, в этом я своего мужа ни за что не упрекну – денег он на нас с детьми никогда не жалеет, а потому что я сама такую выбрала. Правда, в отличие от свекрови, ношу ее редко. В пуховике мне как-то комфортнее что ли.

– У вас здесь жарко, – замечание свекрови ни к кому конкретно не относится, потому на пару секунд повисает в воздухе, да так и растворяется.

Угукнув вместо ответа, я переглядываюсь с Щербининой. Она одними глазами показывает мне в сторону выхода.

Мол, мне уматывать или как, начальство? Я так же, едва заметно киваю. Топай, но не с концами, хитрая лиса. А то я тебя знаю! До обеда языком зацепишься.

Светлана дергает уголки губ вверх и, подхватывая стопку бумаг, лежащую на краю стола, произносит уже вслух.

– Пойду к юристам прогуляюсь, отнесу распоряжения на согласование.

– Да, конечно. И вот это для Тумаревой захвати, – передаю подруге бланк с таблицей, которую последней нужно будет заполнить.

– Сделаю в лучшем виде, Зой Михална, – звонко рапортует хулиганка и, послав мне воздушный поцелуй и одновременно подмигнув, скрывается за дверью.

Мысленно закатываю глаза и признаюсь себе, что даже чуточку ей завидую, сама бы с удовольствием прогулялась к девчонкам в ЖКХ, чем разгребала то, что навертел муженёк, но... сжимаю покрепче зубы и сосредотачиваюсь на Галине Антоновне.

Свекровь, едва дождавшись, когда мы останемся вдвоем, морщится и от души выдает:

– Ты ужасно выглядишь, Зоя! Совсем не спала ночью?

– Да нет, – дергаю плечами, – после трех уснула.

Врать не вижу смысла. Да и она, судя по лицу, в курсе проблем Сергея.

– А вот я не спала, совершенно, – подтверждает мою догадку свекровь и, тяжело вздохнув, продолжает. – Всё думала,

считала, как вам из долговой ямы выбраться. Даже в церковь с утра уже сходила. Свечки поставила за здоровье, да за удачу в делах. И ты, Зой, тоже сходи...

Пока родственница по мужу не успевает окончательно сесть на своего любимого конька, меняю тему:

– И что надумали? Есть варианты?

Всё же мне реально интересно, как она предполагает найти заоблачную сумму в столь короткий срок.

– Есть, – кивает Галина Антоновна. – Мы с отцом загородный дом на продажу выставим. У нас сосед по поселку давно на него облизывается. Но если кто дороже предложит, это ж лучше, верно? – в общем-то верно, но мой ответ не особо нужен – родители Сергея уже всё сами решили. Однако я киваю, а свекровь продолжает. – Плюс у нас кое-какие накопления есть. Всё вместе где-то на четыре миллиона выйдет. А это уже большие деньги. Согласись?

Поддакиваю.

Действительно большие.

Я даже не думала, что Решетины-старшие настолько впишутся. Сергей же у них не единственный сын, есть еще Вадим, первенец.

И пока я обмозговываю наличие родственников, свекровь накидывает другие варианты добыть денег.

– Дальше мы твою машину на продажу выставим. Ты все равно зимой на ней не ездишь, только зазря стоит. А еще вашу трешку.

Вот тут я напрягаюсь. Сильно.

Вообще-то трешка – это наше единственное жилье. При чем, не только мое и Сергея, но и наших двоих детей.

И свекровь, словно предчувствуя мой негативный настрой, говорит мягче и проникновеннее...

– Зоя, я прекрасно понимаю, как тебе обидно терять нажитое, но... вы же в той квартире еще и не жили, чтобы расстраиваться. И потом... мы все – одна семья. И проблемы решать должны вместе.

– М-м-мм... вместе... – повторяю вслед за ней и без стеснения уточняю. – А где мы все потом, после продажи нашей квартиры, жить будем?

Свекровь хмыкает и рукой взмахивает, будто вопрос яйца выеденного не стоит.

– Так или у Люды, как сейчас, – имеет ввиду мою мать, – или к нам переберетесь. Разберемся. А если не понравится, так снимете что-нибудь, мы поможем.

Я лишь головой качаю. Как, однако, быстро всё без меня решается.

Только я не согласна!

И едва вечером встречаюсь с мужем, заехавшим за мной, чтобы забрать с работы, говорю ему четко и твердо: «Нет!»

– Я не подпишу согласие на продажу квартиры, Сергей! Даже не уговаривай.

Решетин скрипит зубами и молча кивает.

А уже спустя три дня перед самым обеденным перерывом

ко мне в кабинет без стука заявляются всем известные в нашем городке братья Борисовы, правая и левая рука Вити Сокола, главного бандита. Под которым даже полиция ходит.

И они не уговаривают. Нет. Кратко, но ёмко кидают:

– Одевайся. Едем к нотариусу.

И так у них это жутко и страшно выходит, что я собираюсь и еду.

Я детям живая и здоровая нужна, а не трупом или калекой в инвалидном кресле.

Глава 9

Зоя

– Решетин, вот объясни мне, недалекой, как ты умудрился связаться с бандитами? Ну как, а? Их же каждая собака в городе знает и ради собственного здоровья дальней стороной обходит. Они столько знакомых обанкротили и загубили, а ты...

Понятно, почему фамилию кредитора, когда требовала, он так и не назвал.

Страшно стало.

Не удивлюсь, если до него, идиота, только тогда дошло, во что он сунулся и с кем связался.

Сергей морщится, не нравится ему мой обвинительный тон, но хоть что-то, чувствуя за собой грехи, проясняет.

– Меня Толян, мой коллега, который тоже в столице ремонтами бизнес-класса промышляет, с одним крутым человечком познакомил. Хозяином большущего гостиничного бизнеса. Тот в декабре в Подмоскovie разорившийся загородный комплекс прикупил и искал бригады, кто сможет быстро и качественно объект отремонтировать. Деньги сумасшедшие. У нас таких за десять лет не заработать. Но там загвоздка какая. Авансы перед стартом дают небольшие, а стоимость материалов, сама понимаешь, огромная. Окончательные выплаты только после сдачи объектов. У Толяна,

естественно, оборотки на весь объем работ не оказалось, вот он меня и позвал в субподрядчики.

– Позвал и? – поторапливаю, когда Решетин надолго замолкает.

– Что и? У меня тоже столько свободных бабок не нашлось. Вот я и решил взять деньги у Сокола, тем более, тот мне несколько раз сам предлагал к нему обращаться, если захочу расширяться.

Расширяться?!

Гашу огонь, что вспыхивает, подпитываемый сухими ветками негодования, и, тщательно контролируя голос, уточняю:

– Почему ты мне об этом никогда не говорил?

– А зачем, Зой? Это мужские дела.

– А-ах, мужские... – тяну, не отводя взгляда.

Не знаю, что он видит в моих глазах, но первый сдувается и ерошит на макушке волосы. Только мне теперь его показательные страдания ни к чему.

– Дальше рассказывай. Что я тебя, как маленького, всё за уши тяну и тяну.

Всё же спокойствие прорывается командирскими нотками.

Психанув, Сергей подскакивает на ноги, даже про ребра сломанные забывает. Мечется от окна до шкафа у противоположной стены, так тигр в клетке.

Туда-обратно. Туда-обратно.

Только, к сожалению, на тигра он ни разу не тянет.

Максимум на кошку, которой хвост подпалили...

– Ты все двадцать миллионов у Сокола взял? – задаю новый наводящий вопрос.

Вспенивается.

– Нет, конечно! Я что идиот?!

Молчу. Не отвечаю.

И так ясно.

И пылающий злобой взгляд легко сношу.

Он снова первым отворачивается. Что-то бухтит под нос.

Кулаком по подоконнику лупит.

– Нет, только десять, – признается через минуту.

– А остальные десять откуда? – дожимаю.

Ну а как с ним еще?

– Я... – сглатывает и, развернувшись от окна, упирается бедрами в подоконник, а пальцы в замок цепляет. – Остальные – это большей частью авансы того москвича гостиничного. Я их сразу на несколько объектов брал.

– Брал... но ни один не закрыл?

Мотает головой.

– Мне нужно было кое-что в других местах доделать. Зарплаты мужикам выдать. А у Юренкова... мы трижды сдавали ему первый блок. Всё прекрасно сделали. А комиссия его дебильная то к одному прицепится: переделайте, то к другому: рал цвета не тот, то к третьему: плитка дешёвая, поменяйте. И еще куча всяких правок. Нормы, стандарты, задол-

бали! Я психанул и вообще людей снял. Все равно денег на переделку нет. И платить мужикам нечем.

Ой, дура-а-ак!

Смотрю на мужа и чем дальше, тем больше его не узнаю.

Где здравомыслящий человек? Где предприниматель, который жил своим делом и умом? Где отец семейства, готовый защищать своих близких?

– То есть, – хмурюсь, – к нам теперь и из столицы кредиторы могут пожаловать?

– Зой, да никто к нам больше не придет. Я решу вопрос, обещаю.

– И как решишь? – уточняю, не особо веря.

– Я кое-что придумал. У меня получится...

Глава 10

Зоя

Не знаю, что придумывает Решетин и как решает вопрос, но следующие три недели он уходит из дома и возвращается домой затемно. С виду деловой и целеустремленный, но неизменно замкнутый и неразговорчивый. Любитель почесать языком, теперь он постоянно отмалчивается, а на все мои вопросы отделяется одними и теми же словами: «Зоя, я решаю вопрос! Хоть ты мне на мозг не капай!»

Не капаю. Но не потому, что прячу голову в песок, а из-за того, что и сама на работе безумно выматываюсь.

Наступает время подготовки и сдачи в областной департамент прогноза социально-экономического развития нашего района, который затрагивает все сферы деятельности, начиная от здравоохранения, культуры и образования, заканчивая сельским хозяйством, туризмом и инвестициями.

Приходится крутиться, как белка в колесе. Готовить и рассылать десятки писем с запросами о предоставлении информации, созваниваться с финансовыми службами и объяснять, как правильно заполнять те или иные формы, порой даже уговаривать, чтобы откликнулись и не проигнорировали обращение. После собирать «плоды творчества», зачастую сделанные от балды или на коленке, и компоновать всё в огромные экселевские таблицы, попутно заполняя поясни-

тельные записки. И всё это мне одной, потому что Светлана очень невовремя сваливается с простудой и температурой под сорок.

– Мамочка, ты скоро на своей работе не только дневать, но и ночевать будешь, – замечает Инга в субботу утром, обняв меня за плечи, пока я на кухне под горячий чаёк быстро уплетаю бутерброд с сыром. – В выходные и те уже работаешь.

Так оно и есть. Работаю. Как раз уже собираюсь убегать.

– Ну ты же знаешь, дочь, конец марта и апрель – самая горячая пора, – отвечаю ей с улыбкой, положив ладони поверх тоненький запястий и те успокаивающе погладив. – Зато летом возьму свой большой отпуск, – из-за выслуги лет он у меня составляет сорок календарных дней, – и поедем куда-нибудь отдохнём.

– Надеюсь, в июле? Я как раз защищу диплом.

– В июле, конечно. Я его и начало августа вписала в график отпусков.

– Какая ты у меня молодец, всё предусмотрела.

Дочка по своей любимой привычке вытягивает губы трубочкой и, мыча: «М-м-м!», дарит мне звонкий поцелуй в щеку, после чего, юркнув рукой через мое плечо, ловко стаскивает с тарелки колбасно-сырной нарезки кусочек салями.

Молниеносно отправляет его в рот и, не переставая быстро работать челюстями, с умным видом выдает:

– О-чень вкуш-но, ма-муль.

Хмыкаю и, отодвигаю уже пустую чашку, предлагаю:

– Давай я тебе чая налью, поешь нормально.

Но Инга отрицательно мотает головой. Заверяет, что есть она ни капли не хочет и вообще собирается идти в кроватку и еще поспать – учебу у них в эту субботу отменили, – но перед уходом, шкодливо улыбнувшись, стаскивает еще ломтик сыра.

В администрации, предупредив охрану, что буду работать часов до трех, углубляюсь в цифры и формулы, но уже в начале второго меня отвлекает зазвонивший телефон.

– О, Светланка, привет! Как дела? Как самочувствие? – интересуюсь у подруги и коллеги в одном лице, увидев имя абонента.

– Привет, Зой! Поправляюсь потихоньку. В четверг, надеюсь, выпишут. А то мне уже стыдно, что ты одна на себе всю работу тянешь. А вот про дела даже не знаю, как сказать.

Щербинина ненадолго замолкает, слышу только ее хриплое дыхание в трубку. А когда всё же решает поделиться, я очень радуюсь тому, что сижу.

Если б стояла, точно бы упала.

– Мне Сергей твой звонил. Правда, просил тебе не говорить. Мол, сюрприз сделать хочет. Он надумал кредит брать, чтобы тебе вместо твоей старой машины купить новую, дорогую.

– Чего?

Информация настолько поражает и не укладывается в го-

лове, что выдавить из себя четыре буквы получается не с первого раза. Прокашливаюсь и повторяю вопрос заново.

– Вот и я удивилась, подруга! – верно уловив моё недоумение, звонко выпаливает Света и тут же закашливается. А едва отдышавшись, уже тише произносит. – Поэтому и решила тебе набрать, посоветоваться.

Растираю не занятой телефоном ладонью лицо – глаза, лоб, щеки. И оставляю ее на губах, чтобы громко и звучно не матюгнуться.

Решетин совсем ох..полоумел?!

Какой еще кредит?!

Какая, к чертовой бабушке, машина?!

Светлана, не подозревая о буре, вскипающей у меня внутри, продолжает говорить:

– Заюсь, ты не подумай. Если Сергей действительно хочет сделать тебе подарок, то я без проблем, впишусь. Мне не сложно. Да и зарабатывает он у тебя хорошо, он мне даже расчетные листки свои скинул, чтоб я о платежах не волновалась. Просто кредиты... ты же знаешь, как я их боюсь, после того как мама с ипотекой чуть не прогорела... А тут еще и сумма не маленькая.

Не маленькая?

– Сколько? – выдавливаю из себя сипло.

Хотя меня и без знания цифр неплохо трясет.

Это до чего же Решетин дошел, что к *моим* подругам соваться стал?!

Головой стукнулся?

Или и ее ему отбили?

– Три миллиона, Зой, – признается Света.

И вместо трехэтажного мата, который всё равно не поможет, жестко проговариваю:

– Не вздумай с ним что-то подписывать!

И в несколько предложений, без имен и фамилий, обрисовываю сложившуюся в нашей семье ситуацию. Лучше пусть знает правду, чем помогает, а потом разгребает не свои проблемы.

– Ох-хренеть не встать! – ошеломленно выдыхает Щербина.

Мысленно с ней соглашаюсь, а попрощавшись, собираю все бумаги в папку, выключаю компьютер и запираю кабинет. Пойду домой. Какой смысл тратить время, если все мысли не о прогнозе, а о выходке мужа?

Глава 11

Зоя

Уже возле дома забегаю в «Магнит», покупаю коробку молока, кое-что по мелочи и в последний момент прихватываю с холодильной витрины упаковку Ленинградских пирожных. Хочется побаловать себя и семью чем-то вкусненьким в сложный период времени.

Звонок в домофон, знакомый этаж, распакиваю заранее открытую мне дверь и громко прошу:

– Ребята, заберите кто-нибудь продукты!

На мой зов из своей комнаты выскакивает Димка.

Неизменные футболка и шорты. Босые ноги. На лице улыбка, на голове наушники.

– Привет, мам, – чмокает в щеку и перехватывает пакет. На кухню сразу не бежит, как того ожидаю, а наклоняется поближе и заговорщически шепчет в ухо. – У нас баба Галя в гостях.

Свекровь?

Замираю, округляя глаза.

Новость неожиданная хотя бы потому, что о визите меня никто заранее не предупреждал. Да и странно это. Обычно Галина Антоновна нас к себе в гости зазывает. С моей же мамой пересекается в основном на семейных праздниках. Нет, они не поругались и общаются неплохо. Просто интересы у

них разные, и подругами их не назовешь. А вот с родителями Ольги, жены Вадима, и свекровь и свекор общаются тесно. Каждую неделю к ним в баню и на посиделки ездят. Кстати, по субботам.

Димка, видя мой недоуменный взгляд, пожимает плечами и уносится разбирать продукты.

До слуха доносится шелест пакета и следом радостный вопль:

– Оу, вкусняшка! Инга, беги сюда скорее! Смотри, что мама нам купила.

Усмехаюсь.

А еще говорят, что только женщины падки на сладкое. Хитрая ложь и провокация. Наш Димка любому в этом вопросе фору даст.

Пока дети, поставив разогреваться чайник, шумно выясняют, кто на какие пирожные успел положить глаз и по сколько в итоге достанется остальным, скидываю сапоги, раздеваюсь и прохожу в гостиную. Здравуюсь со свекровью.

– Привет, Зоя, – отвечает она мне. – А мы вот тут с Людой сидим, обсуждаем, как дальше нам всем быть.

Интересно.

И как же?

Поддернув на коленях брюки, опускаюсь на мягкий боковой валик свободного кресла и опираюсь локтем в невысокую спинку.

– И что надумали? – уточняю, окинув обеих женщин во-

просительным взглядом.

Моя мама понятливо молчит. Для нее сотворенное Сергеем – это что-то нереальное. А уж сумма долга – вообще запредельная. До сих пор в шоке.

Она на пенсию живет, хорошо еще доплату за отца получает. Но где ее восемнадцать тысяч и где двадцать миллионов?

Небо и земля.

Поэтому и с советами не спешит. Больше тяжело вздыхает.

Нет, она неделю назад ко мне подходила, говорила про деньги, что на похороны себе отложила. Предлагала мне их забрать. Мол, хоть какая-то от нее помощь.

Только я не то, что не взяла. Категорически запретила ей о них Решетину заикаться. Не уверена, что тот откажется, узнав. Чтобы свою шкуру спасти, он на всё согласится и не поморщится.

Может, конечно, я слишком нагнетаю и мужа оговариваю, но в последнее время ни о чём хорошем уже не думаю. И Сергею не доверяю.

А мама. Мне и того, что она нашу ораву к себе в дом жить пустила и еду на всех готовит – уже за глаза и за уши как помощи хватает. Большого не надо. Тем более, денег.

– Сергею здесь у нас нужную сумму не заработать, – отвечает мне свекровь. – Те заказы, что он сейчас выполняет, с прибылью, но много не дадут. В Москву ему надо возвращаться и идти к тому хозяину гостиничного бизнеса на по-

клон. Просить разрешение вернуться и доделывать уже практически завершённые объекты.

По сути вариант верный: исправить недочёты и получить расчет. Вот только есть одно большое «но». О нем и напоминаю.

– Чтобы доделать и сдать объекты, Галина Антоновна, нужны деньги на новые материалы и зарплату рабочим. Иначе они не поедут.

Свекровь кивает.

– Правильно, Зоя, всё упирается в средства. И они будут. Мы с отцом дачу через неделю продаем.

– О, как. Понятно, – скрываю удивление. Только уточняю.
– Сосед, про которого вы упоминали, у вас берёт?

– Да, он. Савельич даже на большую сумму согласился. Кстати... а ты уже выставила свою машину на продажу?

Вот уж не думала, что она про нее спросит. Но раз уж дело дошло...

Отрицательно мотаю головой.

– Нет. Не выставляла. И не собираюсь.

– Почему?

Возмущение игнорирую и бросаю короткий взгляд на слегка побледневшую маму – она была не в курсе. Подмигиваю ей и отвечаю, не испытывая ни капли сомнений.

– Потому что она нам самим нужна.

Через пару месяцев уже дачный сезон начнется. Маме надо будет рассаду в теплицу перевозить. И летом мы на дачу

ездить будем, да и на речку с детьми или в лес выбираться. Мало ли куда... Сергея-то по любому не допросишься.

И вообще... с какого фи́га я должна оправдываться?!

Просто не хочу расставаться со своей любимой машинкой! И всё! С какой стати?!

– Зоя... но все мы чем-то жертвуем, чтобы решить проблему.

Усмешку сдержать не получается. Да я и не особо стремлюсь.

– Правильно, Галина Антоновна, – соглашаюсь, хмыкнув. – И мы с детьми уже пожертвовали *нашей* трехкомнатной квартирой. А свою малышку я не продам. Вопрос закрыт. К тому же она старенькая, и много за нее не выручить.

Решетина поджимает губы, всем видом выражая недовольство, но в этот момент в комнату забегает улыбающийся Димка и всех нас зовет пить чай.

Уже за столом как бы между делом уточняю у свекрови про кредит, который собрался брать мой муж, но та про сей момент не в курсе. Обещает рассказать, если узнает. И больше мы к теме долгов Сергея не возвращаемся. Незачем детей втягивать. Да и про них самих поговорить интереснее.

Спустя полчаса Галина Антоновна отодвигает от себя пустую чашку, прощается и покидает квартиру. Я же беру маму за руку и, чтобы успокоить окончательно, даю ей слово, что машину ни за что не продам.

Глава 12

Зоя

Сергей возвращается домой ожидаемо поздно. Но я упорная, его дожидаясь. Услышав бряцанье ключа в двери, поднимаюсь с табуретки, на которой сидела в кухне, читая книгу в телефоне, и иду в прихожую.

– Нам надо поговорить! – произношу негромко, чтобы не разбудить уже прилѐгшую спать маму. Дверь в ее комнату закрыта, но я не особо полагаюсь на звукоизоляцию, которой в квартире нет.

– Я устал, Зоя.

Решетин знакомо поджимает губы, когда что-то идет в разрез с его желаниями, но в этот раз я не даю ему повода увильнуть.

– Мне хватит и десяти минут.

Тяжко вздохнув, сдается и кивает в сторону кухни.

– Окей. Поставь тогда чайник, я кофе выпью.

И устремляется в сторону ванной.

Поставить чайник мне нетрудно, как и достать из холодильника тарелку с нарезкой, а из хлебницы батон. Руки сами собой выполняют привычный набор действий, пока мозг спешно настраивается на диалог.

– Могу еще плова разогреть, если хочешь, – предлагаю, когда Сергей проходит на кухню и, выбрав табуретку возле

батареи, опирается на нее спиной.

– Не надо. Я не хочу.

Пожимаю плечами. Не хочет, ну и ладно. Мне, в общем-то, всё равно. Даже переживание, что раньше внутри шевелилось, когда он отказывался от еды, теперь словно атрофировалось.

С каждым днем я всё отчетливее замечаю, что мы с Сергеем не просто отдалились друг от друга, мы *уже* стали чужими людьми. Мне рядом с ним неуютно. Не интересно, что с ним происходит, и чем он занимается в течение дня. Я не звоню ему, как раньше, и не пишу сообщения. А он так тщательно избегает меня, только бы не оправдываться и лишний раз не испытывать чувства вины, которую я ему своим присутствием «навязываю», что кажется этого даже не замечает.

Единственное, что еще пока нас объединяет – это двуспальная кровать, на которой мы спим, каждый откатившись поближе к своему краю. Все три недели ни в обнимку, а врозь. О сексе даже разговора не идет.

И, положив руку на сердце, в эту минуту я честно готова признать, что, будь у меня возможность найти другое койко-место, я бы непременно туда переселилась. Мне было бы комфортнее одной. Намного комфортнее.

Решетин, сам того не понимая, сделал мне настолько больно, что я не верю, будто нашу семью еще можно спасти.

Почему?

Всё просто. Я не представляю, как жить с человеком, ко-

тому больше не доверяю, от которого ежедневно жду очередной удар в спину, кого считаю не опорой, а гирей, тянущей на дно.

– Зачем ты пытался втянуть в свои дела Светлану? – задаю вопрос, придвигая к Сергею чашку с кофе.

Себе тоже завариваю. Всё равно спать не хочу.

– Уже доложила, – ехидно фыркает муж. – Я в общем-то не сомневался. Щербинина всегда была себе на уме.

– Она всегда была и остается *моей* подругой, – поправляю его, делая акцент на слове «моей» – потому ты на нее, пожалуйста, не рассчитывай.

– Да я уже понял. Рассчитывать не буду.

Сергей обхватывает ладонями чашку и устремляет в нее свой смурной взгляд. На меня не смотрит. Я же, немного подумав, вкратце рассказываю, что приходила его мать, и о чем мы с ней говорили.

– Я с тобой согласен по поводу машины, Зой. Не надо тебе ее продавать. Еще неизвестно, насколько я уеду и как часто буду возвращаться.

Мнение Решетина, клянусь, меня приятно удивляет. Почему-то я думала, что свекровь действует с его подачи, а он, оказывается, даже и не знал.

– То есть... ты не будешь настаивать?

Уточняю, всё еще ощущая небольшую растерянность. Готовилась к очередной битве, а тут со мной не воюют.

– Нет. Не буду, – в этот момент Сергей все же смотрит

мне в глаза. – А вот свой мерседес я уже выставил. Его за два с копейками ляма в среду забирают. Получу деньги, сразу куплю себе бэушную газель для работы, а остальное вложу в дело.

В дело – это правильно. Главное, чтобы точно в дело, и то пошло.

– Сколько ты уже долгов отдал? – выясняю сумму.

Хочется хоть что-то понимать в раскладе.

– Соколу – пять двести, Юренкову еще ни копейки.

Не особо много. Качаю головой.

– Получается, у тебя все деньги в материалах зависли? – раскладываю информацию в голове по полочкам. – А дебиторка хоть какая-нибудь есть?

Сергей отводит взгляд, жует губы.

– Да ответь ты мне хоть что-нибудь! – не выдерживаю давящей тишины.

– А что я могу ответить?! – вскипает и сразу гаснет. – Нет никаких материалов, Зоя. И дебиторки тоже нет.

– Как нет?

– А вот так! Я все деньги проиграл. Подчистую. Борисовы у меня даже офис забрали. Бухгалтерские документы и ноутбук в машине теперь катаются.

– С ума сойти, – растираю лицо и лоб. – И что ты делать собираешься?

– В Москву ехать.

– К Юренкову? – припоминаю фамилию. Ловлю соглас-

ный кивок и уточняю. – Серёж, а если все же у тебя получится закрыть его объекты... ты с ним по нулям выйдешь?

Жмет плечами.

– Не знаю, Зоя, не уверен. В понедельник поеду, буду разговаривать.

Не знаю. Буду разговаривать...

И снова никакой определенности.

– Господи, ты хоть больше не играешь?! Скажи правду! – выпаливаю в сердцах. – Ведь так же никаких денег не напасешься?!

– Нет, конечно, не играю! – смотрит мне в глаза.

А я смотрю в его. Слушаю его ответ и... не верю.

НЕ-ВЕ-РЮ!

Может, он не играет лишь потому, что больше играть не на что?!

Глава 13

Зоя

В воскресенье Сергей снова отсутствует.

К обеду звоню ему напомнить о вчерашнем обещании отвезти меня в магазин за продуктами и забрать оттуда, чтобы я не таскала тяжелые сумки в руках. Гудки идут и идут в никуда, трубку он не поднимает. Поэтому, плюнув, пишу эсэмэску.

В ответ через полчаса прилетает почти ожидаемое:

«Занят, отъехал по своим делам в район».

И еще пять минут спустя:

«Давай где-нибудь в районе восьми скатаемся. Раньше мне по-любому никак».

Ну никак и никак.

«Окей», – набираю коротко и, отбросив телефон в сторону, соглашаюсь пойти с Димкой и Ингой на каток.

Что ж теперь из-за одной неудачи весь выходной на помойку выкидывать?!

Не скажу, что на льду я – профи, но за многие годы зимних вылазок с детьми, вполне уверенно научилась стоять на коньках, разгоняться и не падать, рисовать фонарики и даже скользить, поочередной меняя ноги.

Выбравшись на улицу, радуюсь, что не отказалась. Погода прекрасная. Небольшой морозец, безветренно и очень-очень

солнечно. Так, что даже глаза слезятся.

– Ну наконец-то весна чувствуется, – озвучивает мои собственные мысли Инга, когда мы, притормозив с ней у бортика, решаем чуток передохнуть.

– Да, пора бы уже. Как-никак почти середина апреля, – поддакиваю, а заслышав новую веселую мелодию, что играет из колонок, поднимая настроение, киваю в сторону усवि-ставшего вперед Димки, – пойдём-ка, дочь, его догонять!

В шестом часу вечера, едва передвигая ногами, возвраща-емся домой. Уставшие, промокшие до нитки – ну как же бы-ло не поваляться в сугробах и не покидаться снежками, раз уж решили идти в отрыв! – а на лицах счастливые улыбки до ушей.

– Срочно переодеваться и за стол! Буду вас горячим ча-ем с малиновым листом отпаивать и оладушками из кабач-ков кормить, – командует мама, узрев в каком мы виде за-явились.

Спорить никто не берется. Дураков нет.

Чай пьем с удовольствием. Некоторые даже по паре ча-шек, а потом разбредаемся кто-куда и укладываемся пова-ляться.

Сергей выходит на связь в начале девятого.

«Буду через полчаса у подъезда. Собирайся!»

«Спасибо, но нет. Уже поздно, я легла отдыхать», – от-биваю в ответ и никак не реагирую, получая обидчивое:

«Ну не нет, так нет. Тогда еще задержусь на работе»

– Да пожалуйста, кто ж против, – комментирую вслух и скидываю переписку в сторону.

Возвращаюсь к увлекательной истории, которую прочитала уже до половины, и засыпаю еще до того, как Решетин переступает порог дома.

Понедельник наступает по расписанию. Дети утром после завтрака отправляются на учебу. Я на работу. Сергей уезжает в столицу.

– Буду каждый день звонить, – предупреждает он меня перед уходом, потянувшись за поцелуем.

И чмокает. Только в щеку, которую я ему в последний момент подставляю.

Не хочу в губы.

Как представляю, аж внутри всю корежит. Будто бабка отшептала.

И что удивительно еще более, все последующие дни я о нем не переживаю. Пишет, что у него «всё норм», и ладно, значит жив и здоров.

До пятницы ничего интересного не происходит. Только Димка интересуется:

– Мам, вы с отцом поссорились что ли? Даже по телефону почти не общаетесь.

– Можно сказать и так, – выдаю, немного подумав.

– Он накосячил?

Хмыкаю.

Слово-то какое не литературное, но ситуацию описывает

чётко. Не подкопаешься.

– Накосычил, да, – соглашаюсь, а, чуть подумав, добавляю.
– И так сильно, сынок, что всем нам теперь надо быть осторожными.

– Почему?

– Потому что нехорошие люди теперь на него зуб точат. А может быть, даже на нас.

Не в моих правилах обманывать детей или замалчивать о проблеме, тем более, если она серьезная. Неправильно это, а порой и чревато плохими последствиями. К тому же и сын, и дочь – оба уже немаленькие. Инга – совершеннолетняя. Димке через год с копейками паспорт получать, а значит, привыкать к ответственности.

И ведь жду, что возмутится или закидает вопросами.

А он выдает невероятно серьезным тоном:

– Ну теперь понятно, почему бабуля порой по вечерам тихонько плачет. Она за нас всех переживает.

И в глаза мне заглядывает. Взглядом недетским. Подтверждения ищет.

Стою в шоке. Рот открываю, закрываю и толком ответить не могу.

Мама... плачет...

А я даже не заметила. Проморгала и не предположила. Но Димка ж это не с потолка взял. Значит, так оно и есть.

И так внутри горько становится, что еще и маму я в свои беды втянула... так тошно и стыдно, что не уберегла ее, не

оградила... и вместе с тем, так обидно за себя саму...

Глава 14

Зоя

– Зой, слушай, дорогая, я тут с умными людьми консультировалась. У твоего Решетина всё плохо и просвета не намечается. Можешь на меня обижаться, я пойму, но тебе срочно нужно с ним разводиться.

– Зачем?

Закрываю папку, в которую смотрю, но всё равно ничего не вижу, и, подперев сцепленными в замок пальцами подбородок, устремляю взгляд на Свету.

– Затем, что это пока на нем неофициальный долг висит. А ну как его по всем правилам оформят? Через суд. Или кредиты взять заставят. И пойдешь ты за ним прицепом, как одна семья. Будешь отдавать свои родные, трудом заработанные за то, к чему никакого отношения сама не имеешь.

Представляю подобный вариант развития событий и произвольно веду плечами, чтобы стряхнуть даже воображаемые долги, что обрушиваются на мои, совсем не ждущие их плечи.

Светланка же, подавшись вперед, понижает голос, будто под дверью кабинета кто-то нас может подслушивать.

– Зой. По сути, развод – это твоя подушка безопасности. А не удавка. Всё, что навесят на Серёгу, придется разгребать Серёге, а не тебе. Плюс ты сможешь оформить алименты

за Димку, какая-никакая, а все же копеечка к зарплате станет капать. И даже если с Решетина будут высчитывать долги, то сначала переведут деньги тебе, а уж потом у него отнимут остальное. При этом вы с ним сможете и дальше спокойно жить вместе, как муж и жена, и никому о разводе не сообщать, если тебя это больше всего беспокоит.

Вместе как муж и жена...

Мысленно проговариваю последнюю фразу и едва не морщусь.

Вот этот пункт как раз таки меня смущает меньше всего.

Пугает другое. Это идти в суд и давать пояснения...

Спрятав лицо в ладони, качаю головой.

Никогда не думала, что стану задумываться о разводе. Тем более на пятом десятке, когда некоторые люди уже всерьез смотрят в сторону пенсии.

– Спасибо, Свет, что поделилась мыслями, – дергаю уголки губ вверх, хотя еще сильнее их хочется опустить. – Я подумаю, над твоими словами, но пока ничего обещать не буду.

И я реально думаю.

Всю пятницу и субботу. И даже воскресенье с понедельником.

А во вторник, едва захожу домой и скидываю сапоги, в дверь звонят. Предполагая, что это кто-то из соседей пришел к маме, распахиваю дверь.

На пороге стоит незнакомая мне женщина лет пятидесяти пяти, ярко накрашенная и хорошо одетая. Пудрового цвета

пальто с мехом, дорогая сумка и обувь.

– Это вы – жена Сергея Решетина?

А вот голос у нее неприятный. Визгливые нотки резко бьют по ушам.

Да и внешность – не припомню я в подъезде таких жильцов.

– Да, я. Что вы хотели?

– Ваш муж должен мне денег.

«Еще и вам?» – шалею мысленно, вслух же хмуро уточняю:

– А вы, в общем-то, кто?

– Ираида-процентщица, слышали обо мне?

Отрицательно качая головой, но представившаяся Ираидой никак не реагирует и, предупредив: «Щас! Одну секунду обожди!», вытаскивает из своей сумки несколько сложенных на четыре части листов формата А4.

– Держите, – впихивает их мне в руки и резко шагает вперед, в квартиру, нагло меня тесня.

Отступаю, теряясь от столь дерзкого напора. Открываю рот, чтобы поставить дамочку на место, но она отмахивается и тычет длинным, некрасиво выгнутым наращенным ногтем в бумаги.

– Читайте внимательно, уверена, вам будет интересно.

Читаю.

Расписка. Первая на триста тысяч. Вторая на Пятьсот. Третья еще на двести.

– Серёга мне миллион должен, – озвучивает Ираида то, что я в уме уже сосчитала. – И это без процентов, заметьте. Через неделю не отдаст, они станут капать, а я в суд пойду.

– А от меня вы чего хотите? – уточняю, возвращая бумаги.

– Чтобы вы ему мои слова передали. И напомнили, что прятаться от меня – не вариант.

Всё это незваная гостья высказывает, глядя не на меня, а дерзко изучая мамину квартиру. И вдруг прищурившись, добавляет:

– Кстати, я недвижимкой торгую. Могу и вашу хату за долги по сходной цене забрать, а разницу деньгами перекрыть.

– Еще чего! – вспыхиваю и делаю шаг, тесня нахалку к двери. – Это квартира моих родителей и никакого отношения к Решетину не имеет. Он здесь даже не прописан! Уходите!

Лыжникова, а именно такая фамилия написана в расписке, недовольно кривится, но к двери отступает. Только на пороге замирает и, демонстрируя нереально белые зубы, ехидно произносит:

– У меня лучшая подруга – судья. Так и передай своему благоверному. Соскочить или кинуть меня у него не выйдет!

Глава 15

Зоя

Я бы с удовольствием передала своему благоверному и слова Лыжниковой, и много всего нелитературного лично от себя, но Сергей, будто даже за сотни километров от дома шкурой чувствуя мой негатив, трубку не берет.

Дел у него невпроворот или реально шифруется, предполагая выволочку, ответить не могут ни свекор, ни свекровь, которым я набираю. О да, не собираюсь скрывать от родственников Решетина, какой Сережа кругом молодец. Пусть знают. И видят.

А то почти двадцать пять лет за ним замужем, но до сих пор вспоминаю первое знакомство с его родителями. Как те мне сына презентовали. Красавец, молодец, краснодипломник с высшим образованием и уже заместитель главного инженера на ведущем предприятии города. Естественно, благодаря связям папы, но факт-то на лицо. А ты, мол, Зоя, что хорошего о себе рассказать можешь?

И ведь рассказывала, стесняясь и краснея. И о высшем образовании, которое заочно получаю. И о работе в администрации, куда меня взяли тоже по блату, спасибо мамочке, сначала временно, пока основной сотрудник в декрете, а позже уже на постоянку и по специальности.

Неуверенная в себе была. Зеленая и почти нецелованная

девчонка.

Зато теперь другая. Повзрослевшая, снявшая розовые очки и отчетливо понимающая, что муж слился, а дети и проблемы остались.

А еще окончательно уверившаяся в мысли, что всё. Это конец.

Баста! С меня хватит!

Хватит. И всё тут.

Больше я не хочу и не буду тянуть лямку под названием «брак с Решетиным».

Развод.

В понедельник, еще раз все подробно выпросив у Светы, отпрашиваюсь у Барановского, первого зама главы, который курирует мою службу, еду в участок мирового судьи и подаю два заявления. На развод. И на алименты.

– Через пять дней, будет назначена дата предварительного судебного заседания, – оповещает девушка-секретарь, вклеивая штамп на моем экземпляре и быстро его заполняя. – О дате и времени я вас предупрежу.

Киваю.

– А когда примерно ждать это заседание?

– Через месяц.

И следующие недели я жду.

Решетину уже не звоню, мне больше не интересны его дела и проблемы. А когда обо мне вспоминает он и выходит на связь, чтобы в очередной раз поплакаться, откровенно сооб-

щаю, что поезд ушел, и моя жилетка отныне для него не работает.

– Мам, вы, правда, с папой разводитесь? – поднимает вопрос долго молчавшая Инга.

На дворе первая неделя мая. Мне через полчаса выезжать в область. Настал день сдавать прогноз, который мы со Светой таки сделали и теперь должны защитить в Министерстве.

Дочке и сыну через пятнадцать минут бежать на учебу. Но они оба, вместо того чтобы тянуться к бутербродам и спешно завтракать, сидят, сложив руки, и не сводят с меня глаз.

Возвращаю сыр, который только хотела отправить в рот, обратно на тарелку. Смотрю на каждого по очереди.

– Правда, – отвечаю на вопрос.

– И других вариантов нет?

– Ни одного.

– Фигово.

Пожимаю плечами.

Мое мнение на этот счет абсолютно иное.

Жалею лишь о том, что целый месяц тянула, наивно веря в сказки. Сразу надо было действовать.

– А еще я рассматриваю вариант куда-нибудь отсюда переехать.

Реакции на свои слова жду любой, но не столь негативной, как получаю.

– С ума сошла?! – взвизгивает Инга. Со скрежетом ножек по плитке отодвигает табуретку и вскакивает, едва ту не ро-

ня. – Какое переехать, мам? У меня диплом через месяц. А там и на работу есть вариант устроиться. Я отказываюсь! Категорически! Так и знай!

– И я не хочу. У меня тут друзья и секция, – поддакивает сестре Димка.

Этот не орет. Но смотрит непримиримо.

И да, я их обоих прекрасно понимаю, сама не представляю, как быть. И как строить жизнь дальше. Но, едва вспоминаю вчерашний разговор с Барановским, щеки опалает жаром, а сердце заходится в диком ритме от страха.

– Зоя, пойми правильно. Сокол с бабами не воюет, но от фамилии Решетин его кроет. Не зря твой Серый сбежал, уносятся ноги. В этом городе не будет вам житья, попомни моё слово. Уезжать тебе надо. Чем быстрее, тем лучше. Брать детей и уезжать.

Глава 16

Зоя

В области сорок с лишним районов, и, чтобы избежать столпотворения при сдаче и защите отчетов, нас традиционно разделяют на небольшие группы. Каждой назначают свой день.

Мы едем втроем. Я, Светлана и Титоренко.

Замглавы присутствует не то чтобы для массовки, хотя по большей части так оно и есть, но и с определенной миссией. Как любой хороший руководитель, он уверен в себе, умен, умеет красиво и долго говорить, а еще харизматичен, высок, худощав и симпатичен. Короче, для общения с некоторыми себе на уме дамочками – заведующими отделов Министерства просто незаменим.

За много лет мною проверено. То-то мы раньше остальных сдаем отчеты по финансам и сельскому хозяйству, на которых другие неизменно стопорятся.

Заняв очередь в кабинет, где принимают сводки по здравоохранению и культуре, оборачиваюсь на остановившийся на этаже лифт и улыбаюсь, заметив выходящую из него Наталью Рогову.

– Ого! И вы тут сегодня? – киваю ей вместо приветствия.

График, по которому распределяли районы, я видела мельком. И то, что Лесной отчитывается вместе с нами, как-

то упустила из виду.

– И мы, – соглашается она. – Точнее, я. Одна.

– В смысле? Одна?

Чтобы не делать разговор достоянием чужих ушей, оставляю Светлане папку и очередь, а сама подхожу к Наташе поближе.

– А где все твои остальные?

– Так нет никого, Зой.

Негромко переговариваясь, мы устремляемся по коридору в сторону окна.

– Помнишь, я тебе про Зубареву говорила? Что после ее ухода в нашей администрации никого толкового не осталось? – напоминает коллега и, дождавшись моего утвердительного кивка, продолжает. – Ну вот, третий месяц уже новыми кадрами укомплектовываемся. И если в другие отделы людей кое-как подтянули, то в экономику спецов днем с огнем не сыщем.

– Да ладно! Экономистов кругом тьма тьмушая.

Усмехаюсь по-доброму.

А Наталья не соглашается:

– Может, и тьма тьмушая, Зоенька, только нам не просто с корочками об образовании челы, как мой сын выражается, нужны, но и с мозгами.

– И что? Реально в этом проблема?

– Реально, – серьезно отвечает Рогова и, чуть поморщившись, добавляет. – Мы два месяца назад одну деваху взяли.

Грамотная оказалась и опыт приличный, но она как увидела объем работ и зарплату, которую за это будет получать, так через три недели хвостом вильнула. Только ее и видели. А потом я узнала, что она на нефтебазу устроилась, где зарплата в два с лишним раза выше. И ведь правильно сделала, между нами говоря. Без стажа и надбавок, на одном окладе далеко не уедешь, когда семью надо кормить.

– Это точно, – киваю, соглашаясь.

Сама уже успела почувствовать разницу.

Порываюсь уточнить еще один момент, но тут дверь в нужный мне кабинет открывается, оттуда высовывается улыбочивая физиономия Титоренко и замглавы машет мне рукой.

– Зоя Михайловна, шуруй скорее сюда, тут тебя Алла Леонидовна очень жаждет кое-о-чем порасспрашивать.

Ага. Вот и наше время пришло.

– Конечно, уже бегу.

Извинившись перед Наташей, киваю Светлане, чтобы она не медлила и тоже заходила внутрь, и последней устремляюсь к областному начальству сдаваться. Вернее, сдавать прогноз и подписывать бегунок, разрешающий отбытие.

В город возвращаемся около пяти вечера. Уставшие, но довольные, что отчитались по всем пунктам и не имеем долгов. Такой груз с плеч спихнули – поймет только тот, кто в теме.

Водитель вновь подкидывает до дома. А там, отказавшись

от ужина, что предлагает мама, я закидываюсь таблеткой обезбола – в висках стучит так, что дятлы-трудяги бы обзавидовались – и падаю на кровать. Хотя бы часик подремать, чтоб стало легче.

Но вместо легкой дрёмы будто в пропасть ухаю, вязкую и глубокую. И с трудом раздираю веки, когда мама тихо, но настойчиво трясет меня за плечо.

– Зоенька! Зоя, просыпайся скорее. Кажется, с Ингой что-то приключилось. Она зареванная домой примчалась и сразу в ванной заперлась. Я стучу-стучу, а она не открывает. И плачет там, Зой, я слышала.

С кровати как ветром сдувает. Не до конца проснувшись, лечу к дочери и только чудом не задеваю углы и не сношу попавшуюся под ноги Ингину сумку.

Дергаю дверь на себя, зову по имени свою кровиночку и обещаю выдрать замок с мясом, если она мне не откроет.

Открывает.

Бледная. Растрепанная. С алыми пятнами на шее. И паникой в глазах.

Секунду мы смотрим с Ингой друг на друга. А потом моя девочка жалобно всхлипывает и бросается в мои объятия.

– Мамочка, мама, ты говорила, что хочешь уехать. Мамочка, давай уедем, пожалуйста. Я очень хочу. Чем скорее, тем лучше.

Глава 17

Зоя

– Зоя Михайловна, поверь, мне неприятно тебе это говорить. Да еще сейчас, когда из Министерства приказ сбросили, чтобы вас с Щербининой благодарственным письмом отметить и премию выписать за прекрасно проделанную и сданную в работу...

Глава района вызвал к себе перед самым обедом и, велев Юлии, секретарю в приемной, никого к себе не впускать, предложил мне присесть за стол.

И вот я сижу, а мужчина, наделенный в нашем городе существенной властью, недовольно поджимает губы.

– Говорить о чем? – подталкиваю его, хотя внутри уже догадываюсь, что последует дальше.

– На меня давят, – выпаливает он невпопад.

Дергает галстук, будто тот его шею душит, и наклоняется к папкам, сложенным стопкой на краю стола. Что-то ищет. Не находит, матюгается. Рывком тянет на себя выдвижной ящик тумбы, шебуршит в ней. Наконец достает чистый лист бумаги и подталкивает его ко мне. Следом протягивает ручку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.